

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНАЯ СЕТЬ КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ФОРМЕ КРИМИНАЛЬНОГО МЯТЕЖА (НА ПРИМЕРЕ КОЛУМБИИ, МЕКСИКИ И ЭКВАДОРА)

Константин СТРИГУНОВ

Ассоциация специалистов по информационным операциям

Аннотация: В статье исследована проблема возникновения криминального мятежа в отдельно взятой стране, фактором которого является интеграция местных банд в транснациональную преступную сеть, создаваемые высокоразвитыми бандами и картелями в странах, где уже имеют место криминальные мятежи. Процесс возникновения мятежа показан на примере вовлечения эквадорских банд в транснациональную преступную сеть группировками из Колумбии и Мексики. Автор исходит из того, что ситуация в этих странах соответствует признакам внутреннего вооруженного конфликта.

Цель данной работы – показать, как высокоразвитые преступные организации, участвующие в криминальных мятежах в Колумбии и Мексике, выступают фактором внутриполитической дестабилизации в Эквадоре в форме криминального мятежа через вовлечение эквадорских банд в транснациональную преступную сеть. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: почему вовлеченность ПО в транснациональные преступные сети способствует внутриполитической дестабилизации государства в форме криминального мятежа, на территории которого эти группировки появились?

Методология исследования основана на концепции криминального мятежа, в соответствии с которой развитые преступные организации рассматриваются как де-факто политические субъекты, прежде всего вследствие их способности устанавливать территориальный контроль и через это оспаривать монополию государства на законное применение силы, создавая прямую угрозу его территориальной целостности и суверенитету. В исследовании также использована концепция «банд трех поколений» и анализ социальных сетей.

Выявлена сеть из колумбийских, мексиканских и эквадорских преступных организаций, определены метрики сети. Обнаружена одна подсеть. Показано, что возникновение криминальных мятежей в Мексике и Колумбии способствовало возникновению криминального мятежа в Эквадоре. Сделан вывод, что анализ социальных сетей применительно к преступным сетям способен помочь в выявлении уязвимостей преступных сетей и выработке эффективных стратегий противодействия им. Для повышения эффективности борьбы с преступными сетями особое внимание необходимо уделять нейтрализации посредников между группировками, входящими в эти сети.

Константин Сергеевич Стригунов – кандидат политических наук, ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям.

ORCID: 0000-0001-6202-7493. E-mail: sks6891@gmail.com

Поступила в редакцию: 14.03.2025

Принята к публикации: 25.07.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: Колумбия, Мексика, Эквадор, Латинская Америка и Карибский бассейн, криминальный мятеж, внутренний вооруженный конфликт, преступные организации, транснациональные преступные сети, анализ социальных сетей

Введение

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАКБ) на протяжении многих лет фиксируется высокий уровень насилия, что ведет к дестабилизации государств. В числе основных источников угроз государствам ЛАКБ – высокоразвитые преступные организации (далее – ПО) с корыстной мотивацией (банды, картели, мафии) и ПО с политической мотивацией (террористы, повстанцы). В то же время есть основания полагать, что, во-первых, ПО¹ могут приобретать признаки де-факто политических организаций («случайные повстанцы») подобно террористическим и повстанческим группировкам. Во-вторых, отсутствие военных конфликтов между государствами не означает, что внешние факторы, возникающие в одном государстве, не могут деструктивно влиять на безопасность другого. При этом высокоразвитые ПО являются ключевыми участниками криминального мятежа, способного достичь уровня внутреннего вооруженного конфликта (далее – ВВК). Возникновение ВВК в форме криминального мятежа в одном или нескольких государствах может способствовать началу ВВК в форме криминального мятежа в другом государстве. Это происходит во многом из-за того, что высокоразвитые ПО, являющиеся участниками криминального мятежа, вовлекая ПО других государств в транснациональные сети, усиливают их и ускоряют их эволюцию. Данный феномен обусловлен обменом между преступными группировками организационными инновациями, материальными ресурсами и предоставлением менее развитым группировкам доступа к глобальным незаконным рынкам. В этой связи особое значение имеет исследование транснациональных преступных сетей; в обсуждаемом случае интерес представляет сеть колумбийских, мексиканских и эквадорских ПО.

Влияние ПО с корыстной мотивацией на государственный суверенитет оценивается по-разному. Согласно традиционному подходу, такие ПО следует рассматривать исключительно как угрозу общественной безопасности, нейтрализация которой возможна посредством полиции и служб безопасности. В таком подходе ПО считаются «насильственными предпринимателями»: у преступников отсутствуют политические мотивы, а значит, их нельзя рассматривать как повстанцев или террористов (Shirk & Wallman, 2015). К приверженцам данного подхода также относятся Ф. Уильямс (Williams, 2012), П. Кан (Kan, 2012).

¹ Здесь и далее под ПО будут пониматься преступные группы с корыстной мотивацией, если не будет оговорено иное.

Согласно другому подходу, ПО с корыстной мотивацией в состоянии осуществлять территориальный контроль, лишая государство монополии на социально санкционированное применение силы. Такого рода ПО способны создавать прямую угрозу территориальной целостности и суверенитету государства. Сторонниками данного подхода, в частности, являются Дж. Салливан (Sullivan, 2019), А. Бустаманте (Bustamante, 2020). Среди отечественных специалистов, разделяющих подобные взгляды, следует выделить Б.Ф. Мартынова и В.М. Лунина (Современная организованная преступность, 2017).

В данном исследовании под криминальным мятежом понимается организованное насильственное действие ПО с корыстной мотивацией, обладающих таким организационным, кадровым и ресурсным потенциалом, при котором они способны де-факто достигать политических целей через силовой территориальный контроль и инфильтрацию в госаппарат. Отметим, что установление территориального контроля преступными группировками преследует цель максимизировать криминальные доходы и усилить оргпреступность в целом. Однако если государство теряет контроль над территориями (возникают т.н. неуправляемые пространства, криминальные анклав) и вынуждено на эту угрозу реагировать с использованием войск, то криминальные цели ПО могут привести к де-факто политическому результату. Правительство в таком случае вынуждено реагировать на действия преступных группировок как на действия организаций с политической мотивацией, например, традиционные повстанческие движения. В таком случае, несмотря на то что разница между этими негосударственными субъектами заключается в мотиве, результат воздействия преступных группировок с корыстной мотивацией на государство может быть таким, как если бы они ставили перед собой политические цели. В этом состоит смысл термина «де-факто политический субъект», применимый к ПО, достигшим достаточно высокого организационного, кадрового, силового и ресурсного потенциала. Таким образом, если ПО устанавливают силовой и социальный контроль над территориями, то в некоторых случаях они могут лишать государство монополии на законное применение силы и создавать угрозу его суверенитету и территориальной целостности. Автор полагает, что в Колумбии, Мексике и Эквадоре имеют место криминальные мятежи, отличающиеся от традиционных мятежей².

Кроме того, отдельно следует выделить дискуссии о том, соответствует ли преступность высокой интенсивности в странах ЛАКБ критериям ВВК. Например, в вопросе о соответствии ситуации в Мексике таким критериям нет единой точки зрения. Так, аналитик в области политики и международных отношений Э. Арратия считает, что противостояние на территории Мексики не является ВВК и «скорее квалифицируется как внутренние беспорядки»

² Мятеж – это спланированное вооруженное выступление (восстание), организованное в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя государства либо нарушения его территориальной целостности.

(Arratia, 2016). Иного мнения придерживается А. Фиерро, полагающая, что мексиканский конфликт можно классифицировать как ВВК (Fierro, 2020).

Касательно Колумбии большинство авторов сходятся во мнении, что после демобилизации крупнейшей в стране повстанческой организации *FARC-EP* (исп. *Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo*, рус. Революционные вооруженные силы Колумбии – Армия народа) ВВК не завершился, а скорее претерпел трансформацию после процесса реализации окончательного соглашения с *FARC-EP* от 2016 г. (Ненао, 2020). Дж. Пулидо отмечает, что на территории страны существует двойная угроза внутренней безопасности: возможное открытие партизанскими группами новых фронтов криминального мятежа и перемещение и размещение организованных преступных групп в других государствах региона. Угроза возникает в условиях вакуума власти, образовавшегося в результате демобилизации *FARC-EP* (Pulido, 2017).

Ряд авторов оценивали соответствие критериям ВВК ситуации и в Эквадоре. Так, некоторые исследователи отмечали отсутствие у эквадорских ПО явно выраженной командной структуры и нечеткую организацию их подгрупп, «что затрудняет определение их готовности проводить эффективные военные операции» и не позволяет однозначно классифицировать их как организованные вооруженные группы, являющиеся сторонами ВВК (Sandoval, 2024). Иного взгляда придерживается В. Масиас, полагающий, что эквадорские ПО отвечают признакам воюющего негосударственного субъекта (Macías, 2024).

Соответствие ситуации в государстве критериям ВВК требует выполнения двух ключевых условий: 1) достаточного уровня интенсивности насилия и 2) наличия организованности сторон конфликта. Отметим, что если ПО соответствуют критериям сторон ВВК, то их действия, в основе которых лежат корыстные мотивы, способны представлять собой угрозу для суверенитета государства и его территориальной целостности. В этом состоят политические риски для власти, поскольку она может утратить контроль над территориями, лишиться поддержки среди населения, наконец, в экстремальных случаях может быть свергнутой (пример – свержение премьер-министра Гаити А. Анри в 2024 г. вследствие скоординированных атак крупнейшего альянса банд «*Viv Ansanm*»). В подобных обстоятельствах правительство вынуждено реагировать на действия ПО не как на угрозу общественной безопасности, а как на угрозу национальной безопасности, аналогичную той, которую представляют собой традиционные повстанческие движения с политической мотивацией. В подобной ситуации мотивация ПО не имеет значения, поскольку эти акторы действуют так, как если бы они ставили перед собой политические цели, несовместимые с официальной властью, и стремились их достичь. Следовательно, разрушительное воздействие ПО на государство и общество неотличимо от последствий противостояния повстанческого движения и правительственных сил. Таким образом конфликт приобретает де-факто политический характер вследствие результата воздействия ПО на государство и его милитаризированных ответных мер как реакция на эту угрозу. В данном

подходе важны не формальные признаки (мотив и, как следствие, высказанные в письменной или устной форме политические цели негосударственного субъекта), а последствия действий ПО, включающие силовой контроль над территориями и генерируемое насилие, которое по своей интенсивности может превышать порог идентификации ВВК.

Интенсивность насилия определена согласно классификации Уппсальской программы данных о конфликтах (англ. *The Uppsala Conflict Data Program, UCDP*): при количестве насильственных смертей от 25 до 1000 в год уровень насилия соответствует вооруженному конфликту; от 1000 в год и выше – войне³. Интенсивность насилия рассмотрена кумулятивно, т.е. через суммирование действий всех сторон ВВК. Иными словами, не имеет значения, изолированы ли стороны друг от друга или создают альянсы, однако акты насилия должны осуществляться в ограниченном пространстве⁴ и за ограниченное время. Под организованностью понимается наличие командной структуры и внутренних правил, возможность проводить операции с участием различных группировок, входящих в ПО, способность вербовать и обучать новых комбатантов. При этом мотивация сторон ВВК неважна (Vité, 2009: 78).

Кроме концепции криминального мятежа к теоретической базе данного исследования относится концепция «банд трех поколений», разработанная Дж. Салливаном (Sullivan, 1997). Согласно данной концепции, банды разделяются на три поколения на основе трех ключевых факторов: политизация (достижение де-факто политических целей, например, через контроль территорий), изоционность (сложность организации банд и проводимых операций) и интернационализация (территориальные масштабы деятельности).

Банды первого поколения – это мелкие уличные группировки, нацеленные на создание своей сферы влияния. Они не имеют явно выраженного руководителя, действуют в масштабе одного квартала или района, не ставят политических целей, примитивны в организации и в осуществляемых ими операциях.

Второе поколение – банды, занимающиеся преступным бизнесом (например, наркоторговлей). Масштаб их деятельности шире – несколько государств или регионов. Они обладают выраженным централизованным руководством и защищают рынок, их структура лучше организована и сложна, политизация более выражена.

Банды третьего поколения – негосударственные насильственные акторы, преследующие политические цели и стремящиеся действовать в глобальном масштабе. Для этого они используют свои возросшие возможности

³ *Uppsala Conflict Data Program* (2019) UCDP/PRIO armed conflict dataset codebook. Version 19.1. Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdprio/ucdp-prio-acd-191.pdf> (accessed 12 January 2025).

⁴ Пространственная рассредоточенность актов насилия ограничена одним государством.

по установлению контроля над районами городов, провинций, штатов или департаментов. Преступные субъекты этого поколения участвуют в наемнической деятельности⁵.

В данном исследовании предполагается, что высокоразвитые колумбийские и мексиканские ПО через вовлечение эквадорских банд в транснациональную преступную сеть способствовали ускорению их эволюции и переходу на новый организационный уровень, тем самым приведя к радикальному возрастанию их интегрального потенциала (организационного, кадрового, ресурсного). В результате некоторые из эквадорских ПО стали соответствовать признакам банд третьего поколения, способных оспаривать власть государства на отдельных участках его территории.

Кроме того, применен анализ социальных сетей (англ. *social network analysis*) – количественный метод, основанный на теории графов, с помощью которого показаны связи колумбийских, мексиканских и эквадорских ПО. Для построения этой транснациональной преступной сети и вычисления ее метрик⁶ использовалась программа *UCINET*⁷. Визуализация сети осуществлялась при помощи интегрированной с *UCINET* программы *NetDraw*.

Гипотеза исследования состоит в том, что радикальное усложнение ПО (значительное возрастание их кадрового, боевого, ресурсного и организационного потенциала) в одних государствах способно усилить ПО в других государствах. Цель данной работы – показать, как высокоразвитые ПО, участвующие в криминальных мятежах в Колумбии и Мексике, выступают фактором внутривнутриполитической дестабилизации в Эквадоре в форме криминального мятежа через вовлечение эквадорских банд в транснациональную преступную сеть. Чтобы не возникло путаницы, следует дать пояснение. Термин «криминальный мятеж» означает, что участвующие в нем негосударственные акторы имеют корыстную (криминально-экономическую), не политическую, мотивацию. Однако, как уже отмечалось, результат воздействия ПО с корыстной мотивацией на государство в ходе криминального мятежа может быть сопоставим или превысить результат воздействия на государство (установление территориального контроля, прямые и косвенные последствия экстремального насилия банд и картелей, пр.) мятежа традиционных повстанческих движений с политической мотивацией. В основе механизма возникновения криминального мятежа лежит, в частности, необходимость ПО в устойчивом ресурсном обеспечении. Например, может потребоваться

⁵ В данной работе термин «банда» применяется в более широкой трактовке, чем в статье 209 УК РФ, в соответствии с которой банда – это организованная устойчивая вооруженная группа, состоящая из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банды третьего поколения соответствуют незаконному вооруженному формированию (ст. 208 УК РФ), а также обладают признаками террористической, повстанческой и/или наемнической организации.

⁶ Правило определения расстояния между любыми двумя элементами данного множества.

⁷ Описание программы находится на сайте: *Analytic Technologies* (2025) *UCINET*. Available at: <http://www.analytictech.com/archive/ucinet.htm> (accessed 14 January 2025).

контроль над зонами производства и/или маршрутами поставок наркотиков, для осуществления которого ПО необходимо силой оспаривать территории у государства, если иных способов обеспечить себя ресурсами недостаточно. В таких условиях стирается разница между криминальной и политической дестабилизацией, между криминальной и политической природой конфликтов. Реакция государства на данную угрозу через военную силу приводит к ситуации, неотличимой от его противостояния с политически мотивированными повстанческими организациями. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: почему вовлеченность ПО в транснациональные преступные сети способствует внутривнутриполитической дестабилизации государства в форме криминального мятежа, на территории которого эти группировки появились?

Внутренние вооруженные конфликты в Колумбии, Мексике и Эквадоре в форме криминальных мятежей

В течение десятилетий в Колумбии имел место ВВК в форме иррегулярной войны, когда герилья, ультраправые формирования, картели и банды противостояли государству и друг другу, в то же время сложным образом взаимодействуя с государством. Несмотря на подписание мирного соглашения между колумбийским правительством и крупнейшим повстанческим формированием *FARC-EP* в 2016 г., количество насильственных смертей все еще высокое и составляет порядка 170 случаев в год⁸, поэтому нельзя считать ВВК завершенным. Вместо *FARC-EP* появились диссидентские группировки, которые отказались от демобилизации и преобразовались из идейных повстанческих групп в деидеологизированные военизированные формирования. Иными словами, эти группировки превратились в «торговцев наркотиками, одетых как революционеры» (García & Hernández, 2024), т.е. банды третьего поколения или картели.

На месте распавшихся крупных картелей, прежде всего Медельинского и Кали, возникли новые ПО, которые трансформировались в сложноорганизованные сетевые сообщества. С такими сетями бороться гораздо сложнее, чем с вертикально-интегрированными крупными картелями. Как следствие, иррегулярная война постепенно трансформировалась в криминальный мятеж, в котором ключевыми субъектами, противостоящими государству, стали насильственные вооруженные группы с корыстной мотивацией, чья форма организации становилась сетевой (Стригунов, 2024), которые глубже интегрировались в транснациональные преступные сети. Кроме того, незаконные вооруженные формирования в Колумбии контролируют значительные тер-

⁸ Речь идет об организованном насилии субъектов, отвечающих критериям ВВК. См.: *UCDP* (2024) Colombia. Available at: <https://ucdp.uu.se/country/100> (accessed 28 August 2025).

ритории, навязывая нормы и формы управления, в т.ч. выдачу удостоверений личности и осуществление «правосудия» в отсутствие эффективного государственного управления⁹.

Вместе с этим в Колумбии в последние годы наблюдался колоссальный рост наркопроизводства. Так, если в 2018 г. произведено 1120 т гидрохлорида кокаина, то в 2023 г. – 2664 т¹⁰. В Перу объемы производства в 2018, 2019, 2020 и 2021 гг. оцениваются в 527, 650, 814 и 785 т соответственно¹¹. Согласно данным К. Фигероа, исполнительного президента Национальной комиссии по развитию и жизни без наркотиков (исп. *Comisión Nacional para el Desarrollo y Vida sin Drogas, DEVIDA*), предполагаемый объем производства в 2022 г. мог составить 870 т¹². Также следует отметить, что с 2018 по 2022 гг. рост посевов в стране увеличился с 54 134 до 95 008 га¹³ (вырос на 75%). В 2023 г. наблюдалось незначительное сокращение площадей посевов коки – до 92 784 га, что всего на 2,4% меньше показателя 2022 г. Следовательно, если принять за основу оценку К. Фигероа и считать одинаковым количество кокаина в 2022 и 2023 гг., получаемого из коки с одного гектара, объем производства кокаина в 2023 г. в Перу можно оценить приблизительно в 850 т.

Рост наркопроизводства в соседних странах отражается на ситуации в Эквадоре, поскольку через эту страну транспортируется 45% кокаина, производимого в Колумбии¹⁴. В этой связи следует отметить, что на период столь значительного увеличения наркопроизводства в Колумбии и Перу пришелся невиданный в прежние годы рост насильственных смертей в Эквадоре (см. рис. 1). На приведенном графике одна точка соответствует количеству насильственных смертей за один месяц. Линия тренда показана пунктиром. На оси абсцисс указаны месяцы с января 2018 г. по декабрь 2023 г. На оси ординат отображено количество насильственных смертей.

⁹ Naciones Unidas (2025) Situación de los derechos humanos en Colombia, 24 February – 4 April. Available at: <https://docs.un.org/es/A/HRC/58/24> (accessed 19 January 2025).

¹⁰ Statista (2023). Producción de cocaína en Colombia de 2007 a 2023. Available at: <https://es.statista.com/estadisticas/635412/produccion-de-cocaina-por-paises/> (accessed 19 January 2025).

¹¹ The White House (2022) ONDCP Releases Data on Coca Cultivation and Production in the Andean Region, 14 July. Available at: <https://www.whitehouse.gov/ondcp/briefing-room/2022/07/14/ondcp-releases-data-on-coca-cultivation-and-production-in-the-andean-region/> (accessed 19 January 2025).

¹² La Republica (2023) Los narcos más pobres en la cadena del narcotráfico, 10 August. Available at: <https://data.larepublica.pe/narcotrafico-en-peru-los-narcos-mas-pobres-en-la-cadena-loreto-amazonia-devida-co-rah-brasil-colombia/> (accessed 22 January 2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ La Hora (2023) Carteles mexicanos convierten a Ecuador en su nuevo escenario de disputa, 17 April. Available at: <https://www.lahora.com.ec/pais/seguridad-carteles-mexicanos-violencia/> (accessed 22 January 2025).

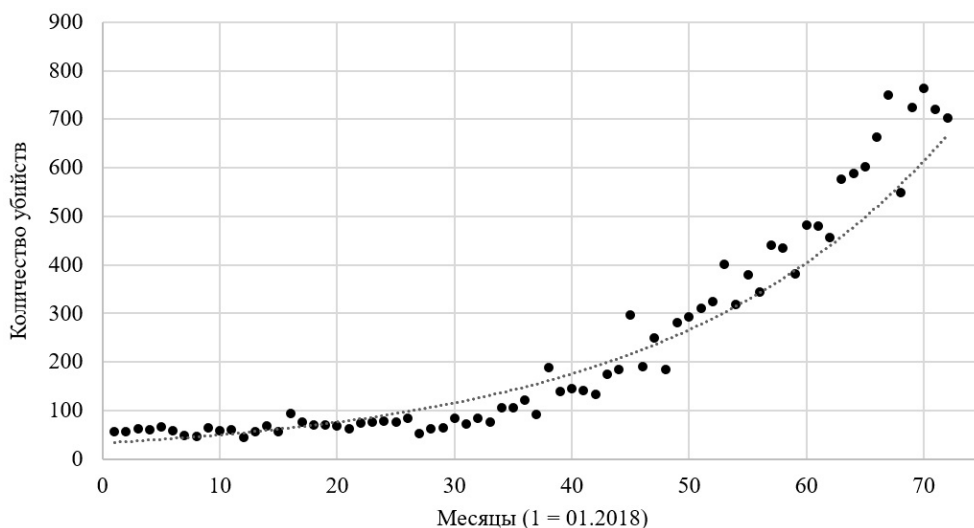

Рисунок 1. Количество насильственных смертей в Эквадоре за период с 2018 по 2023 гг.¹⁵
Figure 1. Number of violent deaths in Ecuador from 2018 to 2023

Решение задачи аппроксимации данных о насильственных смертях в Эквадоре показало следующее¹⁶. Построение линии тренда (см. рис. 1) описывается экспоненциальной аппроксимацией. Общий вид экспоненциального уравнения сглаживания:

$$\overline{y} = be^x, \quad [1]$$

¹⁵ Источник: *Ministerio del Interior Ecuador* (2025) Homicidios Intencionales. Available at: <https://datosabiertos.gob.ec/dataset/homicidios-intencionales> (accessed 23 January 2025). В отбор данных насильственных смертей в Эквадоре с 1 января 2018 г. по декабрь 2023 г. не вошли случаи бытового характера («*riñas*», «*emocional*»), т.е. «драки» и «эмоциональный» – убийства в состоянии сильного эмоционального возбуждения). Отбор осуществлялся так, чтобы остались случаи насильственных смертей либо непосредственно связанные с наркоторговлей банд (например, отбор по параметрам «*trafico internos de drogas (microtrafico)*» и «*trafico internacional de droga*», т.е. «внутренний наркотрафик (микротрафик)» и «международный наркотрафик»), либо с высокой вероятностью имеющие отношение к бандам (например, «*amenaza*», «*secuestro*» или «*secuestro express*», т.е. «угроза», «похищение» или «экспресс-похищение»). Также важно отметить, что убийства, причинами которых были угрозы или похищения, не всегда имеют прямое отношение к наркоторговле. Однако чаще всего они совершаются бандами, которые в той или иной степени вовлечены в этот вид преступной деятельности, являющийся основным или одним из важнейших источников не легального дохода. Причем рост наркоторговли сам по себе является важной, но не единственной причиной роста насилия, и в случае с Эквадором он также способствует увеличению числа убийств. Например, банды, получающие значительный ресурс за счет наркоторговли, практически неизбежно сталкиваются со стремлением конкурентов перераспределить эти ресурсы в свою пользу. С другой стороны, доступ к наркоденьгам провоцирует конфликты внутри банд, поскольку главы их фракций в условиях мощного ресурсного обеспечения могут стремиться создать независимую группировку. Также увеличение ресурсного потенциала способно привести к децентрализации банды и, как следствие, к диверсификации видов преступной деятельности, например, переходу к похищению людей или рэкету.

¹⁶ Для решения задачи использовалась программа *Excel*.

где e – это основание натурального логарифма. В обсуждаемом случае уравнение приняло следующий вид:

$$y = 33,118e^{0,0417x}, \quad [2]$$

при этом достоверность аппроксимации R^2 (коэффициент детерминации) составила 0,962.

Рост насильственных смертей в Эквадоре в период увеличения наркопроизводства и, как следствие, объемов наркотрафика обусловлен усилением конкуренции между группировками, которые в ходе вооруженной борьбы стремятся нанести ущерб соперникам. Одним из распространенных способов является устранение лидера конкурирующей банды. Могут возникать и конфликты внутри группировки, в ходе которых один или несколько участников пытаются либо захватить власть в ПО, либо создать свою группировку. Мощный ресурс в виде наркопроизводства или контроля наркотрафика позволяет функционировать нескольким преступным структурам вместо одной, а также способствует увеличению числа участников ПО, расширению деятельности группировок и усложнению структуры за счет привлечения профессионалов. Наиболее ярким примером распада эквадорской банды является фрагментация «*Los Choneros*», от которой отделились такие банды, как «*Los Lobos*», «*Los Tiguerones*» и «*Chone Killers*».

Необходимо отметить, что увеличение наркотранзита и сопутствующий ему рост насилия непосредственно связаны со снижением эффективности государственного контроля. Так, после десятилетнего периода нахождения у власти Р. Корреа Эквадор вступил в фазу политической неопределенности, когда менее чем за семь лет сменилось три президента. И хотя с 2020 г. по 2023 г. количество изымаемых объемов наркотиков (прежде всего гидрохлорида кокаина) выросло с 115 т до 258 т¹⁷, усилия властей никак не смогли снизить уровень наркоторговли и преступности в целом. Об этом свидетельствует ранее указанный факт, что в 2023 г. только в одной Колумбии было произведено 2664 т гидрохлорида кокаина. Принимая во внимание, что через Эквадор транспортируется порядка 45% колумбийского кокаина, количество не изымаемых наркотических средств, вероятнее всего, кратно превосходит объемы изъятых. Следовательно, на ресурсообеспеченность местных банд действия эквадорских властей критически не повлияли. Получаемые бандами средства от транзита наркотиков идут на их вооружение и подкуп ими представителей органов власти. Таким образом, увеличение финансовых возможностей эквадорских ПО укрепило их потенциал противодействия

¹⁷ *Ministerio del Interior Ecuador* (2023) Policía Nacional del Ecuador es la tercera mejor de la región en incautación de droga. Available at: <https://www.ministeriodelinterior.gob.ec/policia-nacional-del-ecuador-es-la-tercera-mejor-de-la-region-en-incautacion-de-droga/> (accessed 15 July 2025).

правительству Эквадора и одновременно провоцировало конфликты между бандами и внутри них. Это стало важным фактором экспоненциального увеличения насильственных смертей и роста преступности в целом в течение 6 лет.

Также следует отметить, что распространение насилия обусловлено не только увеличением наркопроизводства в Колумбии и Перу, но и рядом сопряженных факторов. В частности, никакая эффективная деятельность по участию и тем более расширению в транснациональном масштабе наркоторговли невозможна без соответствующей командно-контрольной структуры ПО. Ключевую роль в этом играют тюрьмы, откуда главарь эквадорских банд управляют своими подчиненными подгруппами на свободе. Переполненность тюрем и низкая эффективность институтов власти Эквадора, а также распространенная коррупция приводят к тому, что тюрьмы становятся «инкубаторами» для ПО и координационными центрами контрабанды кокаина через эквадорскую территорию (Strigunov, 2025). Зачастую именно в тюрьмах происходит оперативное планирование и руководство наркоторговлей, расширению которой способствует специфика самой пенитенциарной системы. Примечательно, что с тюрем Эквадора началась острая фаза криминального мятежа. Так, с 23 февраля 2021 г. по март 2023 г. в этих пенитенциарных учреждениях произошло одиннадцать массовых убийств, в результате чего погибло 412 человек¹⁸.

Еще одним фактором роста насилия является фрагментация местных банд, которая часто сопровождается переделом сфер влияния. Так, вовлечение Эквадора в транснациональную организованную преступность побудило ряд иностранных ПО, в т.ч. мексиканский «*Cártel de Jalisco Nueva Generación*» (CJNG), финансировать транспортировку кокаина с участием местных банд¹⁹. Это финансирование нарушило криминальную монополию «*Los Choneros*», которой эта банда обладала с 2010 г. Иностранная финансовая поддержка спровоцировала сопротивление со стороны конкурирующих банд, но вскоре из-за изменений в динамике наркопроизводства в Колумбии в противостояние оказались вовлечены участники среднего уровня из «*Los Choneros*». В результате возникшего конфликта был убит главарь «*Los Choneros*» Хорхе Луис Самбрано. Последовавшая фрагментация данной банды усилила противостояние между возникшими группировками и способствовала росту насилия. Таким образом, взаимозависимость между наркоэкономикой в Колумбии

¹⁸ Ministerio de Defensa Nacional del Ecuador (2023) Síntesis Noticiosa. Dirección de Comunicación Social. Available at: <https://www.defensa.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2023/03/31-SINTESIS-NOTICIOSA-VIERNES-31-DE-MARZO-2023.pdf> (accessed 15 July 2025).

¹⁹ Mantilla J., Rivera R. (2024) Post-insurgencies and Criminal Subcultures: The influence of Colombian organized crime in Ecuador's Armed Conflict. *Small Wars Journal*, 16 May. Available at: <https://smallwarsjournal.com/2024/05/16/post-insurgencies-and-criminal-subcultures-influence-colombian-organized-crime-ecuadors/> (accessed 27 January 2025).

и меняющейся динамикой организованной преступности в Эквадоре стала одной из важнейших причин фрагментации группировки «*Los Choneros*», что вызвало ожесточенное соперничество между местными бандами. В январе 2024 г. после очередного особо мощного мятежа эквадорские власти объявили в стране состояние ВВК, признав часть банд террористическими организациями²⁰.

Обращает на себя внимание определенная схожесть процесса возникновения новых ПО в Эквадоре с тем, что происходило в других странах ЛАКБ, например, в Мексике. В этой стране в течение 2000–2010-х гг. имела место фрагментация крупных картелей, которые дали начало гораздо большему числу ПО. Так, в отчете «*Mexico Peace Index 2020*» отмечено, что до 2006 г. в вооруженных конфликтах в Мексике были задействованы только три преступные организации: «*Cártel de Sinaloa*» (CDS), «*Cártel de Tijuana*» и «*Cártel del Golfo*». За последующие 14 лет, согласно имеющимся данным, появились 42 ПО, включая «отколовшиеся» группы. Основные организации распались на фракции и воевали друг с другом, но в то же время возникали и новые ПО. Фрагментация совпала с объявленной президентом Мексики Ф. Кальдероном войной с преступностью (декабрь 2006 г.). Распад группировок привел к резкому повышению уровня насилия: к 2020 г. число убийств возросло в 6.92 раза по сравнению с 2007 г., составив 13 420 случаев²¹. Фрагментация картелей фактически коррелирует с кардинальным ростом насильственных смертей в Мексике, половина территории которой де-факто контролируется нарко-торговцами (Carillo, 2011).

И в Колумбии, и в Мексике интенсивность насилия и уровень организации местных ПО позволяет утверждать о наличии в этих странах ВВК в форме криминальных мятежей. Часть колумбийских и мексиканских группировок либо достигли уровня банд третьего поколения, либо имеют признаки наркокартелей²². Картели включают в себя организации, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков (ОЗНОН)²³. Командно-контрольные структуры картелей могут базироваться в одном государстве, однако они способны производить, транспортировать и распространять наркотики в других государствах с помощью ОЗНОН, которые являются либо частью картеля, либо находятся в союзе с ним. Современные картели могут иметь более децентрализованную структуру по сравнению, например, с Медельинским картелем, и в этом заключается одна из основных угроз, которую они представляют для правительств.

²⁰ *Secretaría General de Comunicación de la Presidencia* (2024) Decreto Ejecutivo № 111, 9 January. Available at: <https://www.comunicacion.gob.ec/decreto-ejecutivo-n-111/> (accessed 30 January 2025).

²¹ *Datosmacro* (2023) México – Homicidios Intencionados. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/demografia/homicidios/mexico> (accessed 1 February 2025).

²² В данной работе термины «картели» и «наркокартели» являются взаимозаменяемыми.

²³ См.: *U.S. Department of Justice. National Drug Intelligence Center «National Drug Threat Assessment» (UNCLASSIFIED)* (2010) Drug trafficking organizations, February. Available at: <https://www.justice.gov/archive/ndic/pubs38/38661/dtos.htm> (accessed 2 February 2025).

Приведенным признакам соответствуют мексиканские картели и некоторые вооруженные группировки Колумбии, в частности, *FARC*-диссиденты, а также некоторые группировки, возникшие на месте конгломерата ультраправых формирований «Объединенные силы самообороны Колумбии» (исп. *Autodefensas Unidas de Colombia, AUC*²⁴), например, «*Clan del Golfo*». Обладая огромными ресурсами, сложной организацией, транснациональным размахом деятельности, кадровым потенциалом, диверсифицированной логистикой, владея тактикой асимметричных боевых действий в сельской местности и в городских условиях, а также методами конспирации, эти ПО активно распространяют свое влияние за пределы государств, в которых они возникли. За счет своих ресурсов и гибкой структуры картели и колумбийские группировки вовлекают в свои операции ПО из других стран, оплачивая их «услуги». Они являются частью глобальной децентрализованной преступной сети²⁵. Вместе с этим, как отмечают аналитики, криминальные сети имеют три основных преимущества. Во-первых, они получают огромные прибыли от транснациональных преступных операций. Во-вторых, способны набирать талантливых участников и реорганизовываться подобно корпорациям (Пятаков, 2023) и военным структурам. В-третьих, могут действовать в среде, обычно считающейся прерогативой государства (например, военная и экономическая области) (Stavridis, 2013: 7).

Для налаживания логистики на достаточно высоком уровне и обеспечения экспорта наркотиков на глобальные рынки сбыта эквадорским ПО, находящимся на территории стратегически важного для наркотрафика государства, необходимо встраиваться в транснациональные преступные сети. Только в этом случае возможен полный цикл от производства наркотиков до получения их конечным потребителем, когда на каждом из этапов транзитер получает свою долю в денежном эквиваленте или иным образом (например, наркотиками или оружием).

Говоря о бандах Эквадора, следует отметить, что подавляющая часть из них действует на местном уровне. Как правило, они относятся к бандам первого поколения согласно схеме Дж. Салливана. Однако есть и гораздо более развитые ПО, как, например, упомянутые «*Los Choneros*» и «*Los Lobos*», которые, учитывая их размеры и возможности, следует отнести к бандам третьего поколения. При этом из текста Исполнительного указа 410 президента Эквадора от 3 октября 2024 г. следует, что правительство признает наличие у вооруженных групп контроля на определенных территориях²⁶ (в шести провинциях, одном кантоне и столичном округе Кито).

²⁴ В настоящее время не существует, но от *AUC* остался ряд ПО.

²⁵ Carrión F. (2015) Aproximación general. *Perfil Criminológico*, May. Available at: <https://repositorio.flacsoandes.edu.ec/bitstream/10469/8361/1/BFLACSO-PC13-02-Carrion.pdf> (accessed 3 February 2025).

²⁶ Daniel Noboa Azín *Presidente Constitucional de la República* (2024) № 410. Available at: https://strapi.lexis.com.ec/uploads/DE_EE_410_03102024_1_Copy_signed_1_1_20240903001433_8fbc959e15.pdf (accessed 9 February 2025).

Все большее встраивание подобных эквадорских банд в транснациональные преступные сети способствовало их переходу на новый эволюционный уровень – вплоть до приобретения признаков банд третьего поколения. Как будет показано далее, в последние годы колумбийские и мексиканские ПО наращивали связи с бандами Эквадора, что способствовало возникновению в этой стране признаков ВБК в форме криминального мятежа.

Анализ социальных сетей

Перед исследованием структуры преступной сети, в которую встроены колумбийские, мексиканские и эквадорские ПО, необходимо выделить несколько важных особенностей используемого анализа социальных сетей.

Прежде всего, следует отметить сложность получения достоверных данных о ПО, особенно если речь идет о связях участников преступных групп внутри них или между ними. Это возможно при наличии, например, конфискованных и опубликованных документов ПО, стенограмм судебных заседаний, перехваченных разговоров, юридических документов и свидетельских показаний. Так действуют при определении конфигурации сети, т.е. сетевой топологии. Однако далеко не всегда эти данные находятся в открытом доступе.

В данной работе единицей анализа являются не отдельные участники ПО, а сами криминальные структуры. Достоверными считались связи между колумбийскими, мексиканскими и эквадорскими ПО, о которых сообщалось в официальных источниках хотя бы один раз²⁷. Связь между преступными группировками считается точно установленной в ходе оперативной работы и следственных действий компетентных органов. В остальных случаях достоверным считалось наличие связи между ПО, если информация об этом неоднократно появлялась в научных публикациях²⁸, аналитических докладах исследовательских центров, крупных СМИ²⁹.

²⁷ *U.S. Department of the Treasury* (2024) Treasury Sanctions Ecuador's Los Lobos Drug Trafficking Organization and Its Leader, 6 June. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2394> (accessed 9 February 2025); *Armada de la República de Colombia* (2024) Desafíos en la lucha contra el Narcotráfico y el Crimen Organizado en el Ecuador. Available at: <https://cimcon.armada.mil.co/sites/default/files/sites/default/files/descargas/pdf/ADC%20002%20CMCON%202024%20-%20DESAF%20C3%8DOS%20EN%20LA%20LUCHA%20CONTRA%20EL%20NARCOTR%C3%81FICO%20Y%20EL%20CRIMEN%20ORGANIZADO%20EN%20EL%20ECUADORcompressed.pdf> (accessed 9 February 2025); *U.S. Department of State* (2024) El Departamento del Tesoro sanciona a conocida banda Los Choneros y a su líder, 6 February. Available at: <https://2021-2025.state.gov/translations/spanish/el-departamento-del-tesoro-sanciona-a-conocida-banda-los-choneros-y-a-su-lider/> (accessed 10 July 2025).

²⁸ См.: (Rivera-Rhon & Bravo-Grijalva, 2020; Cortés, 2020).

²⁹ *InSight Crime* (2023) Ecuador y Colombia altera temprana binacional. Available at: <https://insightcrime.org/wp-content/uploads/2023/08/Alerta-Temprana-Binacional-Ecuador-Colombia.pdf> (accessed 9 February 2025); *Observatorio Ecuatoriano de crimen organizado* (2023) Caracterización del Crimen Organizado. Available at: <https://oeco.pdf.org/wp-content/uploads/2023/09/Caracterizacion-Crimen-Organizado-Version-corta-V2.pdf> (accessed 10 July 2025); Torres A. (2021) Los 'sombreudos' del cartel de Sinaloa activan a sus enviados en Ecuador Para hacer uso de este contenido cite la fuente y haga un enlace a la nota original en. *Primicias*, December 2. Available at: <https://www.primicias.ec/noticias/en-exclusiva/sinaloa-enviados-ecuador-detenido/> (accessed 9 February 2025); *Ecuavisa* (2022) Grupos delictivos se disputan territorios en la Frontera Norte, 11 October. Available at: <https://www.ecuavisa.com/noticias/ecuador/grupos-delictivos-se-disputan-territorios-en-la-frontera-norte-AD3371211> (accessed 9 February 2025); *Infobae* (2024) Detenido presunto cabecilla de banda de narcotráfico vinculada a Ecuador y Colombia, 7 January. Available at: <https://www.infobae.com/america/agencias/2024/01/07/detenido-presunto-cabecilla-de-banda-de-narcotrafico-vinculada-a-ecuador-y-colombia/> (accessed 10 July 2025).

Набор данных представляет собой однорежимную матрицу³⁰ смежности, в которой «1» означает наличие связи, а «0» – отсутствие связи. Всего в сети насчитывается 16 акторов (узлов). Визуально изображаемые в виде квадрата узлы в данном случае представляют собой колумбийские, мексиканские или эквадорские ПО. Линии между узлами (ребра) отображают их связи. Для построения сети наборы данных были импортированы в программу *UCINET*, которая преобразовала их в матрицу смежности. Визуализация сети выполнена в программе *NetDraw*. Поскольку данные в матрице симметричны³¹, сеть является ненаправленной. Для целей исследования важна конфигурация сети без учета направлений связей между ПО в ней. Вес связей между узлами внутри сети не учитывался, т.е. подразумевалось равенство сил связи между ними. Иными словами, исследуемая сеть является невзвешенным графом. Фиксируется только факт наличия или отсутствия связи между узлами. Такой подход обусловлен нехваткой данных в открытом доступе о ПО и характере связей между ними.

Топология сети и ее метрики

Общая сеть включает в себя ряд колумбийских группировок, два крупнейших мексиканских картеля – *CDS* и *CJNG*, а также некоторые эквадорские банды. Подробный список ПО (узлов сети) показан в табл. 1.

Таблица 1. Колумбийские, мексиканские и эквадорские ПО, являющиеся узлами исследуемой сети³²
Table 1. Colombian, Mexican, and Ecuadorian criminal organizations that are the nodes of the network under study

Колумбия	Мексика	Эквадор
«Clan del Golfo»	«Cartel de Sinaloa» (<i>CDS</i>) ³⁵	«Los Choneros»
«Frente Oliver Sinisterra» (<i>SM</i>) ³³	«Cartel Jalisco Nueva Generación» (<i>CJNG</i>)	«Los Tiguerones»
«Frente Iván Ríos» (<i>SM</i>)		«Los Lobos»
«Comandos de la Frontera»		«Los Lagartos»
«Columna Urias Rondón» (<i>EMC</i>) ³⁴		«Chone Killers»
«Frente Franco Benavides» (<i>EMC</i>)		«Los Patones»
		«Los Gángsters»
«Los Curva» ³⁶		

³⁰ Набор акторов в строках и в столбцах матрицы один и тот же.

³¹ Элементы матрицы симметричны относительно ее главной диагонали.

³² Источник: составлено на основе открытых данных (детали в тексте).

³³ Аббревиатура *SM* означает, что группировка относится к *FARC*-диссидентской организации «*La Segunda Marquetalia*».

³⁴ Аббревиатура *EMC* означает, что группировка относится к *FARC*-диссидентской организации «*Estado Mayor Central*».

³⁵ В данной работе *CDS* рассматривается как единая организация, т.е. до фактического распада картеля на враждующие фракции в конце 2024 г.

³⁶ Данная группировка действовала в Эквадоре и Колумбии, но была также связана с *CDS*. Детали в тексте.

Ряд колумбийских ПО относятся к диссидентским организациям, образовавшимся на месте леворадикальной повстанческой группировки *FARC-EP*. Подавляющая часть *FARC*-диссидентских группировок входит в состав одной из двух основных пост-партизанских организаций – «*Estado Mayor Central*» (*EMC*) или «*La Segunda Marquetalia*» (*SM*)³⁷. Визуализация сети из 16 акторов в круговой компоновке представлена на рис. 2. Размер узлов отображен в соответствии со значениями центральности по посредничеству.

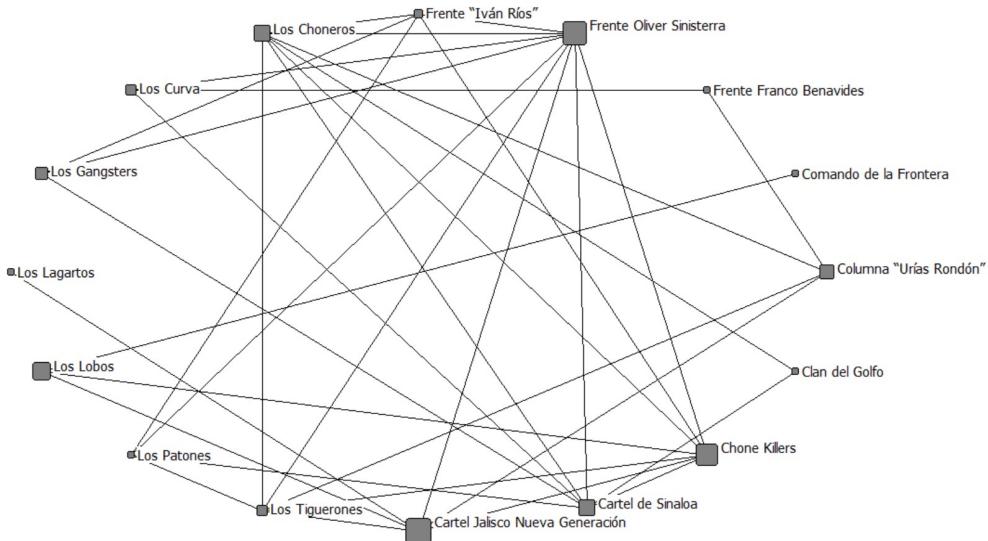

Рисунок 2. Транснациональная сеть из шестнадцати колумбийских, мексиканских и эквадорских ПО³⁸

Figure 2. Transnational network of sixteen Colombian, Mexican, and Ecuadorian criminal organizations

При исследовании топологии сети был выявлен ряд метрик, которые дают определенную информацию о ее структуре. Определения использованных мер сети и описание алгоритма «фракции» приведены в работе (Everton, 2010). В табл. 2 приведены результаты анализа сети.

³⁷ Автор не считает указанную в табл. 1 группировку «*Comando de la Frontera*» связанной с *SM* после ее заявления об отделении: Lugo V. (2024) La Segunda Marquetalia se desintegra: las dos estructuras más poderosas se apartan de Iván Márquez. *El País*, 20 November. Available at: <https://elpais.com/america-colombia/2024-11-20/la-segunda-marquetalia-se-desintegra-las-dos-estructuras-mas-poderosas-se-apartan-de-ivan-marquez.html> (accessed 11 February 2025).

³⁸ Источник: разработка автора.

Таблица 2. Основные меры сети и их значения,
отражающие ее топологию³⁹

Table 2. Basic network measures and their values reflecting its topology

Меры сети	Метрики
Плотность	0,292
Центральность по степени, максимальное значение	9 («Frente Oliver Sinisterra»)
Центральность по степени, среднее значение	4,3752
Нормализованная центральность по близости, максимальное значение	68,182% («Frente Oliver Sinisterra»)
Центральность по посредничеству, среднее значение	7,688%
Центральность по посредничеству, максимальное значение	22,9% (CJNG)
Центральность по собственному вектору, среднее значение	0,217
Центральность по собственному вектору, максимальное значение	0,44 («Frente Oliver Sinisterra»)
Фракция	Выявлена подсеть (фракция) из семи группировок: CDS, «Los Choneros», «Los Tiguerones», «Chone Killers», «Frente Oliver Sinisterra», «Los Patones», «Frente Iván Ríos». Показатель плотности подсети составил 0,76
Точки сочленения	Идентифицированы два актора: CJNG и «Los Lobos»

Исследование структуры транснациональной преступной сети показало, что она обладает относительно невысокой плотностью — 0,292, при 70 выявленных связях между узлами сети. Центральность по степени оказалась максимальной у колумбийской организации «Frente Oliver Sinisterra» — всего 9. Это одна из диссидентских структур FARC-EP, которые постепенно деидеологизировались. У «Frente Oliver Sinisterra» также максимальное значение нормализованной центральности по близости (68,182%). Отсюда следует, что поскольку эта группировка ближе ко всем другим акторам, то и информацию она получает легче всех. Причем у данной ПО наибольший показатель центральности по собственному вектору (0,44). Это означает, что «Frente Oliver Sinisterra» находится в среднем ближе к любому другому участнику сети, причем ближайшие к ней вершины также имеют высокую влияние. Следует отметить, что у «Frente Oliver Sinisterra» существенная роль в транснациональной наркоторговле, и она обладает значительными возможностями в логистике, поскольку взаимодействует с эквадорскими бандами, занимающимися транзитом наркотовара. Кроме того, непосредственный контакт с обоими мексиканскими картелями предоставляет этой группировке выбор наилучших

³⁹ Источник: рассчитано автором.

условий для сделок, чего нет, например, у другой *SM*-группировки – «*Frente Iván Ríos*», или «*Clan del Golfo*», который связан с мексиканским картелем *CDS* и эквадорской бандой «*Los Choneros*».

Показатель центральности по посредничеству оказался наибольшим у мексиканского картеля *CJNG* (22,9%). Данный результат означает, что у *CJNG* больше возможностей для посредничества между узлами сети, т.е. контроля информации, что предоставляет определенные экономические и оперативные выгоды для этого картеля. *CJNG* также является точкой сочленения, т.е. таким узлом, удаление которого разорвет сеть или компонент сети. Устранение *CJNG* приведет к тому, что эквадорская банда «*Los Lagartos*» будет оторвана от основной сети, из чего картель может извлечь свою выгоду, поскольку эквадорская ПО связана с остальной сетью только через него.

Сравнительно невысокой оказалась центральность по посредничеству одного из двух крупнейших мексиканских картелей – *CDS*, у которого данный показатель составляет 12,4% против 22,9% у *CJNG*. При этом *CDS* также уступает по данной мере «*Frente Oliver Sinisterra*» (20,5%), «*Chone Killers*» (18,033%) и «*Los Lobos*» (14%), которые идут на втором, третьем и четвертом местах соответственно. Можно предположить, что степень проникновения и влияния *CJNG* в Колумбии и Эквадоре выше, чем у главного противника группировки – *CDS*.

Исследовательский интерес представляет и обнаружение возможной подсети внутри сети. С помощью фракционного анализа⁴⁰ выявлена подсеть (фракция) из семи группировок (см. табл. 2). Плотность подсети оказалась в 2,6 раза выше плотности всей сети. Конфигурация подсети отображена на рис. 3. Размер узлов отображен в соответствии со значениями центральности по посредничеству.

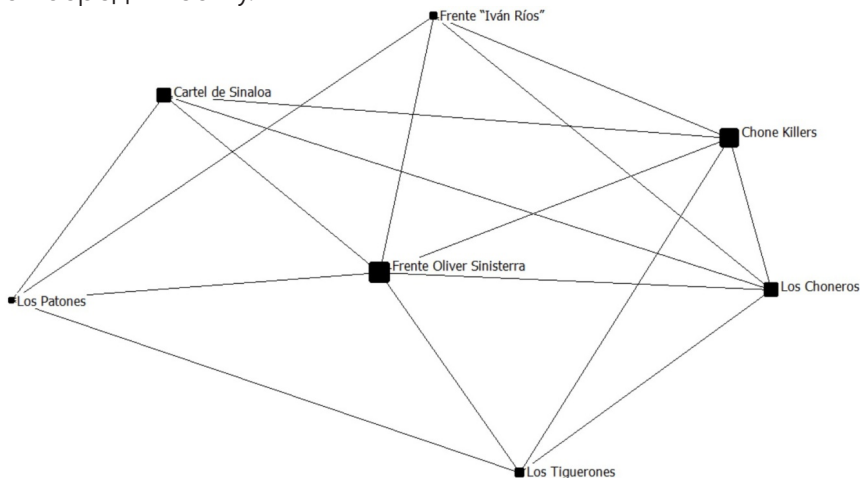

Рисунок 3. Подсеть внутри колумбийско-мексикано-эквадорской транснациональной преступной сети

Figure 3. Subnetwork within Colombian-Mexican-Ecuadorian transnational crime network

Источник: разработка автора

⁴⁰ Команда factions в программе UCINET.

Таким образом, обсуждаемая преступная сеть обладает как минимум одной подсетью – альянсом, образуемым ради достижения взаимовыгодных целей. Подобная сеть и возникновение в ней фракции указывают на эффективное налаживание связей между группировками в международном масштабе и поиск новых возможностей для перемещения наркотиков через границы. Выявленная сеть может быть частью более масштабной сети, однако определение ее состава участников и границ требует дополнительного сбора данных и дальнейших исследований.

Обсуждение результатов

Потенциал эквадорских банд возрос во многом за счет их прямой вовлеченности в транснациональную преступную деятельность. Они ориентируются на мексиканские картели или колумбийские вооруженные группировки и перенимают у этих высокоразвитых ПО их подходы к организации и тактические приемы, усиливающие боевой и оперативный потенциал эквадорских банд. Схожесть с действиями мексиканских картелей и опосредованная связь с ними прослеживается в восстаниях банд в январе 2024 г. в эквадорских тюрьмах и на улицах городов⁴¹. Схожий процесс имеет место при взаимодействии эквадорских и колумбийских группировок. Например, связь «*Los Tiguerones*» и «*Frente Oliver Sinisterra*» приняла форму эволюционного обучения, когда отдельные лица или группы из-за близости к межгосударственной границе приобретают от других групп и включают в свою деятельность новые идеи или модели поведения⁴².

Взаимодействие с колумбийскими и мексиканскими ПО влияет на уровень развития эквадорских банд. Так, рост наркотрафика из соседних стран приводит к усложнению их организации для проведения более сложных операций. Эти изменения способствуют росту интегрального потенциала эквадорских ПО, повышению их способности к планированию и координации более масштабной и организационно сложной насильственной деятельности против государства. Следовательно, усиливается потенциал банд по осуществлению территориального контроля и оспариванию функций государства (обеспечения территориальной целостности и суверенитета). При этом применение военной силы в ответ на восстание банд автоматически дает дополнительный импульс к началу ВБК в форме криминального мятежа.

Таким образом, преступные группировки, являющиеся сторонами ВБК в форме криминальных мятежей в Колумбии и Мексике, быстрее переходят на новые эволюционные уровни, трансформируясь в банды третьего

⁴¹ Примечательно, что убитый в августе 2023 г. кандидат в президенты Эквадора Ф. Вильявисенсио незадолго до своей гибели прямо заявлял, что ему угрожали члены группировки «*Los Choneros*», связанной с CDS.

⁴² См.: Mantilla J., Rivera R. (2024) Post-insurgencies and Criminal Subcultures: The influence of Colombian organized crime in Ecuador's Armed Conflict. *Small Wars Journal*, 16 May. Available at: <https://smallwarsjournal.com/2024/05/16/post-insurgencies-and-criminal-subcultures-influence-colombian-organized-crime-ecuadors/> (accessed 16 February 2025).

поколения или сложные картели. В результате эти группировки получают новые возможности для формирования транснациональных преступных сетей и/или встраивания в уже существующие. Данные ПО расширяют свое влияние на территории других стран (в обсуждаемом случае – в Эквадоре), где ранее не было состояния криминального мятежа (тем более уровня ВВК). Автор полагает, что под воздействием колумбийских и мексиканских высокоразвитых ПО часть эквадорских банд перешла на новый организационный уровень, получила дополнительные мощные ресурсы, позволившие им установить силовой контроль на отдельных территориях и тем самым бросить вызов государству. Фактически распространение организационных инноваций и ресурсов среди преступных группировок вызвало «цепную реакцию»: криминальные мятежи в Колумбии и Мексике, будучи сложным образом связанными между собой, повлияли на возникновение криминального мятежа в Эквадоре. Такой эффект криминально-повстанческого «заражения» через встраивание эквадорских ПО в транснациональные преступные сети представляет фундаментальную угрозу национальной безопасности Эквадора.

Заключение

Вовлечение эквадорских банд в транснациональную преступную сеть ПО из Колумбии и Мексики (страны в состоянии ВВК в форме криминальных мятежей) способствовало возникновению в Эквадоре криминального мятежа уровня ВВК. Участие в такой сети ускоряет эволюцию эквадорских банд через их фрагментацию, увеличение ресурсного потенциала, доступ к глобальным нелегальным рынкам и вооружению, заимствование тактики у иностранных ПО. Таким образом, криминальные мятежи в Колумбии и Мексике деструктивно влияют на безопасность в Эквадоре. Данный пример демонстрирует неспособность конкретного государства к своевременному выявлению и предотвращению разрушительных кризисов, что может создать условия для возникновения ВВК в форме криминального мятежа.

Криминальные мятежи в Колумбии и Мексике, выступив фактором схожего явления в Эквадоре, также привели к формированию сети так называемых «зон беззакония» (англ. *lawless zones*). Зоны являются криминальными анклавами, создаваемыми в ходе мятежей высокоразвитыми ПО. Такая «цепная реакция», провоцирующая начало криминального мятежа с признаками ВВК в Эквадоре⁴³, является результатом сетевого взаимодействия ПО. Влияние сетей накладывается на внутренние проблемы Эквадора, в числе которых поляризация общества, бедность, деградация пенитенциарной системы, непродуманные силовые меры борьбы с преступностью, встречное насилие против государства. Ослабление государственных институтов также способствовало появлению в Эквадоре высокоразвитых ПО и созданию условий для возникновения криминального мятежа.

⁴³ Следует отметить, что угроза инициации криминального мятежа извне возможна и в других странах ЛАКБ.

В рассмотренном примере важнейшими факторами криминального мятежа являются сетевое взаимодействие ПО, производство и транзит наркотиков. В связи со значительным ростом производства кокаина в Колумбии и Перу произошло наращивание логистических возможностей наркопоставок. Так, в связи с тем, что через Эквадор перевозится почти половина производимого в Колумбии кокаина, увеличение объемов поставок влечет расширение этого теневого бизнеса, лучшую организацию и способность преступников противодействовать властям, в т.ч. через приобретение более мощного вооружения. Эквадорские банды получают помощь от более опытных и развитых «коллег» из Колумбии и Мексики. Прибыль от наркотрафика способствует росту возможностей ПО, в т.ч. по установлению территориального контроля, необходимого для постоянного доступа к ресурсам и противодействия государству и конкурентам.

В завершение следует отметить, что для предотвращения появления транснациональных преступных сетей и, как следствие, возникновения криминальных мятежей с образованием криминальных анклавов необходимы комплексные международные усилия. Для решения этих проблем целесообразно дальнейшее изучение транснациональных преступных сетей, их структуры и уязвимостей, в т.ч. с помощью анализа социальных сетей. Наравне с другими методами, включая агентурную разведку, перехваты сообщений участников группировок и финансовый мониторинг, этот метод поможет в выработке наиболее эффективных стратегий противодействия преступным сетям. Особое внимание должно уделяться т.н. посредникам (англ. *fixers*), суперпосредникам (англ. *super fixers*) и теневым координаторам (англ. *shadow facilitators*). Эти лица позволяют незаконным сетям функционировать и способствуют глобальной связности между ними, в т.ч. между ПО с корыстной мотивацией и террористическими группировками. Не будучи лояльными ни к одной организации или сети, они представляют ценность даже для конкурирующих сетей. Подобные типы посредников благодаря своим связям являются ключевыми звеньями в цепочках незаконных поставок ПО⁴⁴. Обезвреживание связующих звеньев способно разрушить преступные сети или снизить возможность информационного и ресурсного обмена между их участниками, в т.ч. с менее развитыми ПО. Это важно как для государств с эффективными институтами власти, так и для государств, где наблюдаются признаки криминальных мятежей.

⁴⁴ Детально данную тему исследовал Д. Фарах. См.: Farah D. (2024) Fourth Transnational Criminal Wave: New Extra-Regional Actors and Shifting Markets Transform Latin America's Illicit Economies and Transnational Organized Crime Alliances. *International Coalition Against Illicit Economies*, 19 June. Available at: https://icaie.com/wp-content/uploads/2024/06/ICAIE-DF-Authored-Fourth-Transnational-Criminal-Wave_-New-Extra-Regional-Actors-and.pdf (accessed 20 February 2025).

Список литературы:

1. Мартынов Б.Ф. (ред.) (2017) *Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна*. М.: Весь мир.
2. Пятаков А.Н. (2023) Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия. *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика* 15(2): 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93.
3. Стригунов К.С. (2024) Трансформация иррегулярной войны в Колумбии в неклассическую войну в форме криминального мятежа (часть 1: Фрагментация и организационное усложнение колумбийских преступных организаций). *Вестник Московского университета. Серия 27. «Глобалистика и геополитика»* 3: 85–102. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-85-102.
4. Arratia E. (2016) ¿Existe un conflicto armado interno en México según el Derecho Internacional? Los Convenios de Ginebra y su aplicación a la Guerra contra el narcotráfico (2006–2012). *Revista de Estudios en Seguridad Internacional* 2(1): 21–42. DOI: 10.18847/1.3.2.
5. Bustamante A. (2020) Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales. *Entretextos* 12(35): 1–17. DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.
6. Carillo J. (2011) *México en Riesgo: Una vision personal sobre un Estado a la defensiva*. Mexico City: Grijalbo.
7. Cortés D. (2020) Crimen transnacional organizado: las Organizaciones del narcotráfico mexicano en Colombia: Los carteles mexicanos en Colombia. *Novum Jus* 14(2): 123–146. DOI: 10.14718/NovumJus.2020.14.2.6.
8. Everton S. (2010) *Tracking, Destabilizing, and Disrupting Dark Networks with Social Network Analysis. Dark Networks Course Manual*. Monterey: Naval Postgraduate School.
9. Fierro A. (2020) La guerra contra el narcotráfico en México, ¿un conflicto armado no internacional no reconocido? *Foro internacional* 4(242): 1415–1462. DOI: 10.24201/fi.v60i4.2628.
10. Garcia C., Hernández A. (2024) Las disidencias de las FARC-EP: ¿continuación de esta guerrilla o nuevos grupos criminales? *Política y Sociedad* 61(2): e8749. DOI: 10.5209/poso.87249.
11. Henao A. (2020) La implementación del acuerdo de paz y la transformación del conflicto armado en Colombia. *Revista Científica General José María Córdova* 18(31): 565–584. DOI: 10.21830/19006586.621.
12. Kan P. (2012) *Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security*. Sterling: Potomac Books, Inc.
13. Macías V. (2024) El conflicto armado en Ecuador desde la esfera constitucional. *Revista San Gregorio* 1(1): 133–141. DOI: 10.36097/rsan.v1iEspecial_1.2907.
14. Pulido J. (2017) La amenaza de la insurgencia criminal en Colombia El concepto de Inteligencia híbrida como nueva forma de adaptación de las estrategias tradicionales contra-insurgentes. *Revista UNISCI* 44: 55–72.
15. Rivera-Rhon R., Bravo-Grijalva C. (2020) Crimen organizado y cadenas de valor: el ascenso estratégico del Ecuador en la economía del narcotráfico. *URVIO. Revista Latinoamericana de Estudios de Seguridad* 28: 8–24. DOI: 10.17141/urvio.28.2020.4410.
16. Sandoval I. (2024) Declaratoria de Conflicto Armado Interno como Estrategia para Abordar el Crimen Organizado Transnacional en Ecuador. *USFQ Law Working Papers*. DOI: 10/18272.usfq/wp.179.
17. Shirk D., Wallman J. (2015) Understanding Mexico's Drug Violence. *Journal of Conflict Resolution* 59(8): 1348–1376.
18. Stavridis J. (2013) Foreword. In: Miklaucic M., Brewer J. (eds.) *Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization*. Washington, D.C.: National Defense University Press. P. 7–10.

19. Strigunov K.S. (2025) Conflicto armado interno en Ecuador en forma de insurgencia criminal. *Iberoamerica* 2: 68–87. DOI: 10.37656/s20768400-2025-02-04.
20. Sullivan J. (2019) The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars. *Revista Do Ministério Público Militar* 46(31): 13–30.
21. Sullivan J. (1997) Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels, and Net Warriors. *Transnational Organized Crime* 3(3): 95–108.
22. Vité S. (2009) Typology of armed conflicts in international humanitarian law: legal concepts and actual situations. *International Review of the Red Cross* 91(873): 69–94. DOI: 10.1017/S181638310999021X.
23. Williams P. (2012) The terrorism debate over Mexican drug trafficking violence. *Terrorism and Political Violence* 24(2): 259–278. DOI: 10.1080/09546553.2011.653019.

Comparative Politics. Volume 16. No. 2. April-June / 2025
DOI 10.46272/2221-3279-2025-2-16-3

TRANSNATIONAL CRIMINAL NETWORK AS A FACTOR OF INTERNAL POLITICAL DESTABILIZATION IN THE FORM OF CRIMINAL INSURGENCY (EXAMPLES OF COLOMBIA, MEXICO, AND ECUADOR)

Dr. Konstantin S. STRIGUNOV – Leading Analyst, Association of Information Warfare Specialists.
ORCID: 0000-0001-6202-7493. E-mail: sks6891@gmail.com

Received March 14, 2025

Accepted July 25, 2025

Abstract: The article examines the problem of the emergence of a criminal insurgency in a single country, the factor of which is the integration of local gangs into a transnational criminal network, created by highly developed gangs and cartels in countries where criminal insurgencies already take place. The process of the insurgency emergence is shown using the example of the involvement of Ecuadorian gangs in a transnational criminal network by criminal groups from Colombia and Mexico. The author assumes that the situation in these countries corresponds to the signs of an internal armed conflict.

The aim of this paper is to show how highly developed criminal organizations involved in criminal insurgencies in Colombia and Mexico act as a factor of internal political destabilization in Ecuador in the form of criminal insurgency through the involvement of Ecuadorian gangs in a transnational criminal network. The research question is formulated as follows: why does the involvement of criminal organizations in transnational criminal networks contribute to the internal political destabilization of the state in the form of a criminal insurgency in the territory in which these groups appeared?

The methodology of the study is based on the concept of criminal insurgency, according to which developed criminal organizations are considered as de facto political actors primarily due to their ability to establish territorial control and thereby challenge the state's monopoly on the legitimate use of force, creating a direct threat to its territorial integrity and sovereignty.

The study also uses the concept of «three-generation gangs» and social network analysis. A network of Colombian, Mexican, and Ecuadorian criminal organizations is identified, network metrics are determined. One subnetwork is detected. It is shown that the emergence of criminal insurgencies in Mexico and Colombia contributed to the emergence of criminal insurgency in

Ecuador. It is concluded that social network analysis as applied to criminal networks can help identify the vulnerabilities of criminal networks and develop effective strategies to counter them. To improve the effectiveness of the fight against criminal networks special attention should be paid to neutralizing fixers between the groups included in these networks.

Keywords: Colombia, Mexico, Ecuador, Latin America and the Caribbean, criminal insurgency, internal armed conflict, criminal organizations, transnational criminal networks, social network analysis

References:

1. Arratia E. (2016) ¿Existe un conflicto armado interno en México según el Derecho Internacional? Los Convenios de Ginebra y su aplicación a la Guerra contra el narcotráfico (2006–2012). *Revista de Estudios en Seguridad Internacional* 2(1): 21–42. DOI: 10.18847/1.3.2. (In Spanish).
2. Bustamante A. (2020) Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales transnacionales. *Entretexos* 12(35): 1–17. (In Spanish). DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556.
3. Carillo J. (2011) *México en Riesgo: Una visión personal sobre un Estado a la defensiva*. Mexico City: Grijalbo. (In Spanish).
4. Cortés D. (2020) Crimen transnacional organizado: las Organizaciones del narcotráfico mexicano en Colombia: Los carteles mexicanos en Colombia. *Novum Jus* 14(2): 123–146. DOI: 10.14718/NovumJus.2020.14.2.6. (In Spanish).
5. Everton S. (2010) *Tracking, Destabilizing, and Disrupting Dark Networks with Social Network Analysis. Dark Networks Course Manual*. Monterey: Naval Postgraduate School.
6. Fierro A. (2020) La guerra contra el narcotráfico en México, ¿un conflicto armado no internacional no reconocido? *Foro internacional* 4(242): 1415–1462. DOI: 10.24201/fi.v60i4.2628. (In Spanish).
7. Garcia C., Hernández A. (2024) Las disidencias de las FARC-EP: ¿continuación de esta guerrilla o nuevos grupos criminales? *Política y Sociedad*. 61(2): e8749. DOI: 10.5209/poso.87249. (In Spanish).
8. Henao A. (2020) La implementación del acuerdo de paz y la transformación del conflicto armado en Colombia. *Revista Científica General José María Córdova* 18(31): 565–584. DOI: 10.21830/19006586.621. (In Spanish).
9. Kan P. (2012) *Cartels at war: Mexico's drug-fueled violence and the threat to U.S. national security*. Sterling: Potomac Books, Inc.
10. Macías V. (2024) El conflicto armado en Ecuador desde la esfera constitucional. *Revista San Gregorio* 1(1): 133–141. DOI: 10.36097/rsan.v1iEspecial_1.2907. (In Spanish).
11. Martynov B.F. (ed.) (2017) *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoi Amerike i stranakh Karibskogo basseina [Contemporary organized crime in Latin America]*. M.: Ves' mir. (In Russian).
12. Pulido J. (2017) La amenaza de la insurgencia criminal en Colombia El concepto de Inteligencia híbrida como nueva forma de adaptación de las estrategias tradicionales contrainsurgentes. *Revista UNISCI* 44: 55–72. (In Spanish).
13. Pyatakov A.N. (2023) Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' v stranakh Latinskoi Ameriki: sovremennyye tendentsii razvitiya i voenno-silovye sposoby protivodeistviya [Transnational organized crime in Latin America: Current trends and prospects for military crime-fighting operations]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya XXV. Mezh-dunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Lomonosov World Politics Journal]* 15(2): 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93. (In Russian).

14. Rivera-Rhon R., Bravo-Grijalva C. (2020) Crimen organizado y cadenas de valor: el ascenso estratégico del Ecuador en la economía del narcotráfico. *URVIO. Revista Latinoamericana de Estudios de Seguridad* 28: 8–24. DOI: 10.17141/urvio.28.2020.4410. (In Spanish).
15. Sandoval I. (2024) Declaratoria de Conflicto Armado Internocomo Estrategia para Abordar el Crimen Organizado Transnacional en Ecuador. *USFQ Law Working Papers*. DOI: 10/18272.usfqwp.179. (In Spanish).
16. Shirk D., Wallman J. (2015) Understanding Mexico's Drug Violence. *Journal of Conflict Resolution* 59(8): 1348–1376.
17. Stavridis J. (2013) Foreword. In: M. Miklaucic and J. Brewer (eds). *Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization*. Washington, D.C.: National Defense University Press. P. 7–10.
18. Strigunov K.S. (2025) Conflicto armado interno en Ecuador en forma de insurgencia criminal. *Iberoamerica* 2: 68–87. DOI: 10.37656/s20768400-2025-02-04. (In Spanish).
19. Strigunov K.S. (2024) Transformatsiya irregularnoi voyny v Kolumbii v neklassicheskuyu voynu v forme kriminal'nogo myatezha (chast' 1: Fragmentatsiya i organizatsionnoe usloznenie kolumbiiskikh prestupnykh organizatsii) [Transformation of irregular warfare in Colombia into non-classical warfare in the form of a criminal insurgency (Part 1: Fragmentation and organizational complexity of Colombian criminal organizations)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. «Globalistika i geopolitika» [Moscow University Bulletin. Series 27. «Globalistics and Geopolitics»]* 3: 85–102. DOI: 10.56429/2414-4894-2024-49-3-85-102. (In Russian).
20. Sullivan J. (2019) The challenges of territorial gangs: Civil strife, criminal insurgencies and crime wars. *Revista Do Ministério Público Militar* 46(31): 13–30.
21. Sullivan J. (1997) Third Generation Street Gangs: Turf, Cartels, and Net Warriors. *Transnational Organized Crime* 3(3): 95–108.
22. Vité S. (2009) Typology of armed conflicts in international humanitarian law: legal concepts and actual situations. *International Review of the Red Cross* 91(873): 69–94. DOI: 10.1017/S181638310999021X.
23. Williams P. (2012) The terrorism debate over Mexican drug trafficking violence. *Terrorism and Political Violence* 24(2): 259–278. DOI: 10.1080/09546553.2011.653019.